

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сибирские орлы (Сибирские рассказы)



МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0015
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0024

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Сибирские орлы

На одном из промежуточных вокзалов только что открытой Тюменской дороги собралось много публики. Ждали проезда известного сибирского магната Мансветова-Гирей. Многие приехали на станцию с специальной целью, чтобы только взглянуть на великое светило. В числе собравшейся публики особенное внимание обращал на себя седой высокий старик в потертой и выцветшей шинели, с гимназическим ранцем за плечами. Старая военная косточка сказывалась во всем — и в костюме, и в выправке, и в манере себя держать. Заплатанные ботфорты были вычищены ваксой, как на смотр; кепи упраздненного французского покроя было надето набекрень, что уже совсем не гармонировало с серебряными сединами почтенного старца. Меня поражала в этом субъекте удивительная бодрость и розовый цвет лица. Ему, по крайней мере, было лет семьдесят. Только военная николаевская выправка создавала таких богатырей.

Мне приходилось ждать поезда, и от нече-

го делать я наблюдал железнодорожную публику. Какая неизмеримая разница с прежним сибирским трактом, когда гужом ехали все такие основательные люди: купцы, сибирские администраторы и просто деловые люди! Железная дорога привела с собой много такого люда, общественное положение которого нельзя определить никаким химическим анализом. Куда идут эти неведомые люди, зачем они так торопятся и откуда они взялись?.. На каждом лице деловая тревога, глаза так и бегают, а общее выражение такое, как будто человека ожидают вот сейчас и невесть какие важные дела. Таинственные незнакомцы хлынули в Сибирь из неведомых глубин коренной России и везде понесли с собой московскую расторопность, изворотливость и просто шитое на живую нитку плутовство. Их присутствие на этой станции для меня являлось неразъяснимой загадкой. Но они были тут и суетились больше всех. Другое дело — служащие Мансветова, которые явились встретить патрона по обязанности. Они так и держали себя, как гости, приехавшие на именины.

— Monsieur, несколько крейцеров... — проговорил над моим ухом хриплый, неприятный голос. — Извините, но мои седины позволяют быть настолько неделикатным, что...

Это был старик с ранцем. Я только теперь заметил его большие темные глаза, глядевшие насквозь с таким странным блеском. Он не протягивал руки, не корчил жалобной рожи, а требовал, как должного. Получив какую-то мелочь, он спокойно проговорил:

— А как вы полагаете, сколько мне лет?

— Лет семьдесят...

— Извините-с, ровно восемьдесят. Да-с... Георгию Самсоновичу восемьдесят, и мне восемьдесят; по годам мы с ним равны. Евангельский богач и убогий Лазарь, а годы равны-с... Не правда ли, какое странное совпадение-с?.. Даже и не Лазарь, а сам Иов в дни его несчастья... Вы слышали про Заболотского полицеймейстера Неупокройникова? Нет? Жаль... Он к вашим услугам.

Эта манера называть Мансветова по имени и отчеству: Георгий Самсонович — выдавала старого проходимца с головой. Выгнанный со службы сибирский чин сказался в

двух словах. Дескать, и мы в свое время были с Георгием Самсоновичем запанибрата, когда еще он и т. д. Это обычный прием столичных трактирных жуликов и сибирских чиновников не у дел. Мне лично такой оборот разговора очень не понравился, гораздо хуже того, что человек позаимствует у вас несколько крейцеров. Русский человек уж так устроен, что настоящему бедняку не подаст, а вот такому субъекту посовестится отказать, и мне было обидно за себя, что я не отказал полицеймейстеру Неупокройникову. К довершению всего старик отправился без стеснения прямо к буфету третьего класса и развязно потребовал рюмку водки. Оставалось ждать, как он заявится опять, дохнет прогорелым вином и фамильярно подсядет. Явилось даже малодушное желание куда-нибудь спрятаться, но это было невозможно: вокзал был невелик, а до поезда оставалось еще полчаса.

— Я тут у знакомого попа гостил, а теперь пробираюсь в Питер... — заговорил возвратившийся старик, действительно подсаживаясь ко мне на дубовый диванчик. — Скитаюсь из страны в страну... взыскующий града...

да...

Я очутился в довольно глупом положении, но потом подумал: что же, ведь он меня не съест в эти полчаса. Пусть его поговорит, если хочется...

— Вы долго служили в Заболотье? — спросил я.

— Да порядочно-таки... И в Восточной Сибири служил и в Западной, а кончил Заболотьем. Очень любил я хороших лошадей... Сам выезжал. Да... Интересно, узнает меня Георгий Самсонович или не удостоит? Когда он венчался, в коляске у него была заложена моя пара... Только выехали из церкви молодые, я еду впереди, как полицеймейстер, а кучер-ворона и распусти вожжи... ну, лошади понесли коляску, а я выскочил из своего экипажа и остановил. Тройку на полном ходу останавливал... Мы, казаки, около лошадей с детства, так оно привычное дело.

— Вы из каких казаков?

— А из Сибирского казачьего войска. Как же, казак с ног до головы. И землю свою имею, но только земля-то спорная. Еду хлопотать... Да. Так Георгий Самсонович тогда меня

на свадьбе из щеки в щеку расцеловал... Мы с ним давно знакомы были, когда я еще тюремным смотрителем на Чернореченском заводе служил. Это рукой подать от Заболотья, и в Чернореченском заводе была каторга. Да... Упразднена в 1863 году.

— Какой же это завод был?

— Винокуренный, казенный-с... Это еще при откупках было. Несколько таких заводов было в Сибири, и казна сдавала их в аренду. Георгий-то Самсонович и арендовал тогда Чернореченский завод. Можно сказать, что там были их первые шаги... Потом уж они развернулись до необъятности. Еще и теперь в Чернореченском заводе на берегу три березки стоят, а под ними Георгий Самсонович любили вечерком посидеть и помечтать-с. Да-с... Под этими березками, может быть, какие мысли-то обдумывались? Я вам скажу прямо: Георгий Самсонович — гений... и я их боготворю. Вчуже сердце радуется, и точно сам молодеешь... Вот какие прежде-то люди были: орлы! Да-с... И взгляд орлиный имели, прямо сказать. Когда Георгий-то Самсонович арендовал Чернореченский завод, так рабочие были

все каторжные. Другие в кандалах у заторных чанов стояли... О чем я хотел сказать, позвольте...

— О Мансветове.

— Да, да... Извините, захлестывает у меня иногда, потому что и стар, и дряхл, и обременен годами... Говорил уж я, кажется? Да, так о Георгии Самсоновиче речь идет. Был такой случай у меня. Я смотрителем каторги был, так раз ночью и докладывают, что в общей камере произошло убийство. Конечно, сейчас следствие, розыски, но ничего обнаружить невозможно. Известно, каторжные... На следующий день вызываю к допросу всю камеру. Следствия у нас производились тут же, в конторе. Ну, выстроили в шеренгу человек двадцать таких подлецов, что картина. «Знать не знаем, ведать не ведаем...» По старым судам это много помогало. Бьемся день, бьемся другой, а толку все нет. На третий день в каторжную контору к нам и заверни Георгий Самсонович... «Не нашли виноватого?» «Никак нет-с!» «Эх, плохо вы следствие производите... Ну-ка, я не буду ли счастливее!» Вышел это к арестантам, обошел шеренгу, посмотрел на всех

издали, а потом прямо к одному подходит и прямо его по уху: «Твоих рук дело, подлец!» Могучий был человек, и никто не устаивал на ногах... Ну, арестант, известно, свалился и сейчас на колени: «Виноват, ваше благородие...» Вот какой взгляд был у человека!

— Да, действительно... взгляд.

— И другой случай был... Это уж в Заболотье. У одного чиновника в доме появились вдруг духи. Все бьют, все ломают, по ночам стук и треск — житья не стало. Хорошо-с... А чиновник-то не маленький, и, как семейный человек, конечно, ему неприятно. Узнал про духов Георгий Самсонович и говорит чиновнику: «Хорошо, я как-нибудь заеду познакомиться с твоими духами»... А сам смеется... Признаться сказать, он тогда еще вольтерьянцем был и, как говорится, ни в бога, ни в черта не верил. Действительно, спустя некоторое время приезжает он к этому чиновнику. Осмотрел расположение комнат, разбитые зеркала, печи, а потом и говорит: «Действительно, духи у вас очень уж расшалились». Чиновница тут же стоит и слушает в оба уха, а Георгий Самсонович по-просил ее выйти на

минуточку и прислать няньку-старуху да горничную. Те приходят, а Георгий Самсонович к ним и прямо: рраз! рраз! Ха-ха... Ну, конечно, сейчас же повинились бабенки. Крепостные были и хотели барыне досадить. Так я и говорю: вот какой взгляд был у прежних людей. А нынче куда... даже, знаете, смешно говорить-с.

— Маленькие нынче люди...

— Нет, вы послушайте, что дальше-то было... Эта самая горничная, которая духов изображала, — из-за нее я вот в настоящем виде и очутился, — после того, как пришла в себя, от всего отперлась, ну, попала ко мне в лапы на предварительное дознание... хорошо-с...

Свисток подходившего поезда прервал рассказ сибирского орла на самом интересном месте.

Поезд подходил, медленно и тяжело сдерживая свое движение. Слышно было, как дрогнула земля. Публика из вокзала вышла на платформу. Нужно было видеть, каким молодцом вытянулся жандарм, как засуетился начальник станции, а публика замерла, впившись глазами в вагон первого класса, где в отдельном купе ехал он. У публики есть инстинкт угадывать присутствие своего любимца: было два вагона первого класса, но все обратили внимание именно на второй. Он должен быть здесь... Сибирский полицеймейстер, конечно, был впереди всех и, когда подходил поезд, вытянулся во фронт и даже сделал под козырек.

— Господа, не напирайте...

Большинство толпилось на платформе из любопытства, загораживая дорогу тем, кому нужно было явиться к Мансветову.

— Поезд стоит тридцать минут!.. — надтреснутым тенорком выкрикивал кондуктор, пробегая мимо линии вагонов какой-то особенной дробной походкой, как ходят только

половые в московских трактирах да вымуштрованная железнодорожная прислуга.

Мансветов так и не показался из вагона. «Нужные люди» по очереди отправлялись к нему на исповедь и быстро возвращались — магнат никого не задерживал. Сопровождавшая его свита подкрепилась в буфете и весело галдела на разных языках. Кого тут только не было... У Мансветова было золотое умение распознавать людей, и раз попавший к нему на службу мог считать свою карьеру обеспеченной. Магнат не давал преимущества ни одной национальности.

— Когда же я-то, господа? — растерянно спрашивал Неупокройников, напрасно стараясь попасть в очередь.

— Послушайте, господин, да вам зачем?

Старику пришлось ждать долго, но он-таки добился своего. Я видел, как он вышел назад, точно ошпаренный, и шел по платформе, машинально повертывая свое кепи в руках. Как мне показалось, у него на глазах были слезы.

— Не узнал... нет, не узнал... — бормотал он. — Конечно, где же узнать... столько лет...

В вагоне третьего класса публики ехало не

особенно много, так что на каждого нашлась свободная лавочка. Я поместился у окна и смотрел на летевшую мимо ленту полей, перелесков, оврагов и насыпей. Поезд мчался с особенной быстротой: машинист понимал, что везет цезаря и его счастье. На одной из маленьких станций Неупокойников отыскал меня и подсел на соседней лавочке. В течение какого-нибудь часа он точно постарел на несколько лет — сгорбился, съежился и даже как будто сделался ниже. Водкой от него пахло по-прежнему, но старческой молодцеватости не осталось и следа.

— Не узнали-с... — заявил он с грустной ноткой в голосе и махнул рукой. — Да и где же узнать, помилуйте!.. Хуже...

— А что?

Старик оглянулся и хриплым шепотом добавил:

— Захожу-с... Георгий Самсонович полулежит на кушетке... я их сразу узнал: один взгляд чего стоит. Конечно, года... ну, орел, одним словом. На лице этакая усталость и некоторая задумчивость... Я остановился в дверях и только хотел отрекомендоваться, а они...

Нет, совестно даже выговорить! Георгий Самсонович этак вскользь взглянули на меня и трехрублевый билет подают... Господи, что же это такое?.. У меня даже горло сдавило, слова не могу сказать... Так и ушел, и деньги бросил: не могу. От чужого возьму и даже сам обращаюсь, а тут свой брат... помилуйте, хлеб-соль прежде водили...

— Он просто не узнал вас.

Старик опять оглянулся кругом, точно боялся засады, и уже на ухо мне прошептал:

— Это я себя обманываю, что не узнали... Помилуйте, Георгий Самсонович — да не узнает! Этакий-то орел... Сразу узнали, а мне совестно стало... за них, что они притворились. Ей-богу... У них все, у меня ничего, и мне же совестно. И вдруг: трешницу... А я, признаться сказать, недели две проживался по здешним местам, чтобы встретить их — последняя надежда, можно сказать... Теперь уж все кончено: если Георгий Самсонович отвернулись, то чего же ждать? *Finita la commedia...*

У старика опять выступили на глазах слезы, и он напрасно мигал красными, опухши-

ми веками, чтобы скрыть их. Если женские слезы возбуждают сожаление, то мужские производят неприятное и жуткое чувство — нет, значит, выхода... Наступила пауза.

— Вы за что же, собственно, пострадали? — спросил я.

— А... что?.. — точно проснулся Неупокойников. — За что пострадал?.. Да очень просто, за эту горничную с духами... Действительно: я шутить не любил, допросил ее собственноручно, а она и умри... кто же бы мог подозревать, что у простой девки и вдруг порок сердца?.. Тут уж на меня, имярек, и налетели злые коршуны и давай щипать, и вот что произвели: наг, сир, гладен и хладен... Ну, отними все, возьми, но не дай вконец погибнуть... да-с. А то как уволили с волчьим паспортом, по третьему пункту — и пропал. Находил и место и занятия, все ничего, а как дойдет дело до паспорта и увидит человек мой третий пункт — даже замычит. Да я сам не принял бы самого себя никуда с такой рекомендацией.

— Кажется, подобные истории в Сибири довольно обыкновенны, и пугаться третьего пункта довольно странно.

— Да ведь Неупокройников по третьему пункту уволен, а Неупокройникова вся Сибирь знает, скажу не хвастаясь... Вернее, знала. Ведь нужно сказать вам, как я жил: князь... принц... Только в сказках можно прочитать. В Заболотье-то золотопромышленники и сивушные короли тогда развернулись... Господи, что было, что только было!.. Какие люди, какое время... А горные инженеры? Представьте вы себе, что в ничтожнейшем и жалком городишке вдруг скопились десятки миллионов совершенно диких денег... Великие были люди: Аника Терентьевич, Тит Поликарпыч... да мало ли их, всех не перечесть. И мы с Георгием Самсоновичем перебрались: он свою линию повел, а я свою... Даже страшно выговорить: полицеймейстер в Заболотье. Силища... Я и на службу поступил по приглашению от золотопромышленников: знали меня на каторге-то. Молод, красив, удал... Еще подходишь к дамочке, а она уж не знает, куда ей деваться: сама не своя. Тройку на всем скаку останавливал... Нарочно за мной в Чернореченский завод из Заболотья посылали, потому что был еще у меня один талант: рус-

ские песни никто лучше меня не умел петь. Развеселится компания и за мной: спой, голубчик... Слушают и плачут — вот какой голос бог дает человеку. Да где же вы найдете другого такого полицеймейстера?.. Ну, и попал сыр в масло: квартира первая в городе, в конюшне двадцать лошадей, вин целый погреб — и хлебосол и угодник. И вкус имел: ни одной хорошенькой вещички мимо не пропущу, вообще артист. И английский хрусталь, и китайская бронза, и японские лаки, и бухарский шелк, и картины — все было. Дом — полная чаша. Каждая горничная — пиши картину, а главный кучер — морское чудовище, ей-богу. Голосина у него, у подлеца: как рявкнет на улице — человек и оторопееет.

А больше-то всего любили меня, если говорить правду, за удаль... Ведь сторона дикая, народ-варнак, ходи да оглядывайся, а у меня в городе ни гу-гу. Каждую ночь переоденусь в полушубок, подвяжу бороду и везде побываю. Только скажешь, бывало: «Неупокройникова знаешь?» «Виноват, вашескородие». Был такой случай. По тракту разбойничал татарин Карагуз. Мужчина пудов двенадцати весом.

Один обоз останавливал... А взять его не могли... Не в моем он участке разбойничал. Ну, меня и подразнили: «Неупокройников, возьми-ка Карагуза, ежели смел». «Я? Голыми руками возьму...» Признаться сказать, захватился я: в поле Никола бог, и татарин силищи непомерной. Хорошо-с... Сказал слово, надо его держать. Нарядился купцом, посадил кучером мальчишку и марш в дорогу прямо на Карагуза, где он пошаливал... Едем. Ночь волчья, снежок падает. Лес по сторонам... Только обгоняет меня кошева и поперек дороги, — известная разбойничья замашка. «Стой!..» Выскочил я и прямо к нему: он, Карагуз. Ну, я бормочу по-купечески: «Возьми все, отпусти душу на покаяние...» Понял, собака, с кем дело имеет, — как размахнется железной укрючиной, да как свистнет... А я увернулся по-казачьи, а укрючиной-то полу полушубка как ножом отрезало. Я ему, идолу, под ноги брошусь, тоже ваша казачья хватка, он через меня, как дерево дубовое, а я на него... Выхватил укрючину-то и укомплектовал. Сам привез еле живого, а Карагуз на второй день и душу своему аллаху отдал. Купцы тогда по под-

писке серебряный сервиз мне поднесли, а Георгий Самсонович публично расцеловали. Все у меня было, и ничего больше не желал, а и тогда я преклонялся перед Георгием Самсоновичем, которого почитал за гения... И вдруг из-за этой самой горничной все прахом. Пошли суды да следствия, и я точно растаял... Даже удивительно, как всего общипали эти железные носы, всего, по перышку. Ничего не осталось, кроме третьего пункта...

Рассказчик даже глаза закрыл, видимо, прислушиваясь к звуку собственных слов.

— А давно все это было? — спросил я,

— Да уж порядочно... Теперь уж лет тридцать, как я на волчьем положении... Сегодня вот привел господь принять последнее поношение... обидно... Что стоило Георгию-то Самсоновичу воскресить человека? Ведь всего одно слово — возродился бы из праха.

ПРИМЕЧАНИЯ

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

Начало существованию цикла «Сибирские рассказы» было положено в 1895 году выпуском книги, объединившей под этим общим заглавием двенадцать очерков и рассказов на сибирские темы. Большинство вошедших в книгу произведений впервые было опубликовано писателем в газетах «Русские ведомости» и «Новости» в конце восьмидесятых — начале девяностых годов без указаний на то, что эти произведения входят в какой-либо цикл.

Книга выдержала при жизни писателя еще два издания (1898 и 1902), что, несомненно, свидетельствовало об определенном успехе этой серии у широкого читателя; состав книги и порядок расположения произведений, вошедших в нее, при переизданиях оставались неизменными. Очевидный успех книги побудил писателя к расширению цикла. Ко времени третьего издания накопилось большое количество небольших произведений Мамина-Сибиряка, рассеянных по различным

сборникам и периодическим органам (в том числе провинциальным). Среди них было немало и таких, которые по ряду мотивов, образов, проблематике имели много общего с «Сибирскими рассказами». В 1905 году появились еще три книги «Сибирских рассказов» (изд. Д. П. Ефимова, Москва), и количество произведений, объединенных в этом цикле, теперь достигло сорока.

Следует указать, что в сборниках, выпущенных в 1905 году, Мамин-Сибиряк не ограничился только специфически «сибирскими» темами, но основные проблемы, мотивы, образы оставались глубоко родственными для всего цикла. Новое издание «Сибирских рассказов» последовало в 1916 году, уже после кончины писателя (Д. Н. Мамин-Сибиряк Полное собрание сочинений, т. V, книги 19–22, изд. т-ва А. Ф. Маркса, П., 1916; приложение к журналу «Нива»),

В советские годы «Сибирские рассказы» не переиздавались, лишь некоторые очерки и рассказы («Говорок», «Пир горой», «Крупичатая» и др.) включались в сборники избранных произведений и собрания сочинений Ма-

мина-Сибиряка. В настоящем издании они воспроизводятся в том их виде и составе, в каком определил сам писатель, и занимают данный, пятый и часть следующего, шестого тома.

Идейная и художественная проблематика «Сибирских рассказов» весьма разнообразна. Термин «сибирские» здесь в значительной мере условен. Как и в главнейших своих произведениях, в этих рассказах Мамин-Сибиряк на хорошо знакомом ему сибирском и уральском материале освещал явления, характерные для всей русской пореформенной жизни, хотя специфичность выражения этих явлений в Сибири и на Урале всегда отмечается писателем. Вот почему в «Сибирских рассказах» мы не раз встретим картины, относящиеся как к сибирской (у Мамина-Сибиряка речь идет главным образом о приуральской Сибири), так и уральской и даже столичной жизни.

Значительное место в творчестве Мамина-Сибиряка заняла, как известно, золотоискательская тема, являющаяся, в свою очередь, частью большой, всеохватывающей темы раз-

вития капитализма в России. Обобщающим произведением, объемлющим комплекс проблем, связанных с добычей золота, явился роман «Золото». Но круг произведений, подготовлявших и затем развивавших многие образы и картины романа, чрезвычайно широк. В «Сибирских рассказах» произведения, посвященные теме «Золота», составляют самую большую группу («В болоте», «Клад», «Подснежник», «Глупая Окся», «Пир горой», «В последний раз» и др.). Быт рабочих-золотоискателей, «золотая лихорадка», охватывавшая самые различные круги, причастные к «золотому делу», растлевающее воздействие на быт и нравы атмосферы легкой наживы, стяжательства, лихоимства — все это находит на страницах «Сибирских рассказов» свое яркое воплощение.

Большое место в «Сибирских рассказах» занимает и другая важнейшая тема в творчестве Мамина-Сибиряка — тема судеб горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири, положения трудовых масс. С этим связано в его произведениях обличение глубоко корыстных методов эксплуатации заводовла-

дельцами-капиталистами принадлежащих народу природных богатств, показ отвратительного облика «хозяев» буржуазной России, их паразитизма, уродливого быта, развращенности, физического вырождения. Такие рассказы, как «Не у дел», «Самородок», «Морок», «Сократ Иванович» и другие, находятся в несомненной творческой связи с крупнейшими и программными произведениями Мамина-Сибиряка о капиталистическом Урале — романами «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца» и др. Особый интерес представляют помещенные в «Сибирских рассказах» главы из романа «Железный голод»: «Сократ Иванович» и «По дешевой цене».

Эти главы, мало известные современному читателю, раскрывают значительный и интересный творческий замысел Мамина-Сибиряка, к сожалению, до конца не осуществленный. В них углубляется анализ корыстной практики буржуазных дельцов, их полной враждебности по отношению к народу, к родине. С особой остротой антинародная, антипатриотическая практика этих дельцов

вскрывается в главе «По дешевой цене». Адвокат Иоников, занимающийся оформлением сделок по продаже иностранным капиталистам русских земель, заводов и других ценностей, с циничной откровенностью говорит: «У нас... нынче настоящая дешевка, как в гостинице. Продаем всю матушку Русь по частям...»

О проникновении в Россию иностранного капитала говорится и в произведениях «Дорогие гости», «М-м Квист, Бликс и Ко».

Вопросы развития капитализма в пореформенное время освещаются на страницах «Сибирских рассказов» в самых разнообразных аспектах: здесь и судьбы обездоленного заводского рабочего человека («Не у дел», «Морок», «Крестник» и др.), и воздействие на жизнь захолустных городов и деревень железнодорожного строительства («Главный барин», «Пан Копачинский»), и положение пореформенной деревни («Говорок», «Крупичатая», «Не укажешь»), и проникновение власти золота, денег в такой, казалось бы, кондовый, нерушимый мир, как уральское старообрядчество («Последняя веточка», «Пир горой» и

др.).

В «Сибирских рассказах», естественно, нашли отражение и специфически «сибирские» явления как старого, так и нового времени: произвол сибирской администрации («Сибирские орлы», «Удивленный человек»); каторга, ссылка и связанные с этим бродяжничество, разбой («На перевале», «Оборотень» и др.). Вместе с известными произведениями на сибирские темы В. Г. Короленко, Н. И. Наумова и других писателей демократического направления «сибирские» произведения Мамина-Сибиряка существенно пополняют представления читателя о мрачном прошлом Сибири. Значительное место в «Сибирских рассказах» занимает тема старообрядчества: «Последняя веточка», «Седьмая труба», «Пир горой». Данные рассказы также существенно дополняют картины, созданные в русской литературе на эту сложную тему прошлой жизни народа (к ним относятся известные произведения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова и др.).

Жанровая природа «Сибирских рассказов» весьма многообразна. Здесь и рассказ, и очерк, и повесть, и главы из романа, а то и

произведения, которые определить затрудняется сам писатель, обозначив как «эскизы», «этюды», «монологи», заметки «из записной книжки». Это часто, действительно, или «эскизы» для последующих творческих разработок, или «этюды», развивающие темы, уже ранее освещавшиеся писателем, и т. д. Непосредственная связь ряда «Сибирских рассказов» с романами Мамина-Сибиряка не раз отмечалась в литературе: таково отношение золотоискательских рассказов и очерков к роману «Золото», рассказа «Попросту» к роману «Хлеб», рассказа «Самородок» к роману «Три конца» и т. д.

Первое «здание „Сибирских рассказов“ вызвало несколько рецензий. Высокая оценка их была дана в небольшой рецензии на страницах «Русской мысли» (№ 1, 1895). Критик отмечает превосходное знание писателем материала, широту и многосторонность ярко и правдиво написанных картин. Положительно оценил «Сибирские рассказы» и журнал «Новое слово» (№ 5, 1895). «Сибирское приволье, — говорится в рецензии, — дух свободы, дух бродяжничества, бесконечные почтовые

тракты, степи, непроходимая тайга, — все это встает перед вами словно живое, поражает новизной и оригинальностью». Тепло охарактеризованы «Сибирские рассказы» и в небольшой заметке, помещенной в журнале «Новости печати» (№ 2, 1895): «Лица, выводимые в... рассказах, типичны и очерчены рельефно».

Второе издание «Сибирских рассказов» вызвало хвалебный отзыв в журнале «Русское богатство» (№ 5, 1898). «... За каждым даже маленьким очерком, — говорится в рецензии, — чувствуется нечто большое, важное, прямо из глубины жизни выхваченное, — чувствуется вдумчивое, часто страдальческое отношение к своим темам». Особенно убедительно, по мнению критика, писателем изображается ломка старого консервативного уклада, «жизненный перелом», наступивший в пореформенную эпоху.

Следует все же признать, что современная писателю критика не попыталась всерьез раскрыть все идейное и художественное содержание «Сибирских рассказов», их особенность и места в творческом пути писателя. Не

сделало это, к сожалению, и позднейшее литературоведение.

Между тем большое познавательное и художественное значение «Сибирских рассказов» не подлежит сомнению. М. Горький, высоко ценивший Мамина-Сибиряка, отмечал: «Очень хороши его сибирские и уральские вещи...» (М. Горький. Собр. соч., т. 28, М., 1954, стр. 273).

СИБИРСКИЕ ОРЛЫ

Впервые рассказ опубликован в газете «Новости», 1888, № 360, 31 декабря. Затем при жизни писателя включался во все издания «Сибирских рассказов»: в 1895, 1899 и 1902 годах. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», М., 1902.

Как видно из пометы автора на рукописи, хранящейся в Свердловском областном архиве, произведение было закончено в октябре 1888 года в Екатеринбурге. Первоначальное заглавие рассказа — «Сибирские люди».

В образе бывшего полицмейстера Неупойникова нетрудно обнаружить некоторые черты исправника Полуянова из романа «Хлеб» (1895).

Рассказ положительно отмечался в критике («Новости печати», 1895, № 2. стр. 18).

Стр. 6. Евангельский богач и убогий Лазарь — по евангельскому рассказу, нищий Лазарь лежал больной и голодный у ворот богача и рад был напиться хотя бы крохами с его стола.

Стр. 7. Заторный чан — в винокурении чаны с затором из тертого картофеля или растворенной в воде муки.

Стр. 10...увольнили с волчьим паспортом, по третьему пункту — имеется в виду увольнение за должностное преступление без права на пенсию и новое поступление на государственную службу.